

Ю.В. Яковлева

Неологизмы и окказионализмы
в газетно-журнальной полемике
1920 – начала 1930-х гг.

В статье исследуется практика использования неологизмов и окказионализмов в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 20 – начала 30-х гг. XX в. Предлагается рассматривать неологизмы и окказионализмы как средство выражения отрицательной оценки, способствующей повышению агрессивности журналистского полемического текста.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, газетно-журнальная полемика, публицистический текст, экспрессия, отрицательная оценка, речевая агрессия.

Для периодов политических, экономических, социальных потрясений особенно характерно появление большого количества новых лексических единиц. Среди них выделяются неологизмы – слова и обороты, созданные для обозначения нового предмета или понятия¹, а также окказионализмы (стилистические неологизмы), используемые автором отдельного текста и обычно не имеющие широкого распространения². В начале XX в. в России произошел, по выражению А.Г. Горнфельда, «прорыв словарного языкового фронта»³. Образование новых слов, «как никакое другое явление, призвано отразить и зафиксировать изменения в обществе, его истории и культуре»⁴. Изучение данного процесса имеет большое значение, так как способствует «описанию картины мира данной исторической эпохи»⁵.

Исследователи справедливо отмечают, наряду с номинативной, эмоционально-экспрессивную и оценочную функции лексических новообразований. «Чаще всего новые слова и выражения возникают

тогда, когда нужно назвать новый предмет или явление, – писал С.И. Ожегов. – Или является потребность обозначить хоть и старое явление, но нуждающееся в новом освещении, новой оценке с какой-то новой точки зрения, или когда нужно в том же явлении подчеркнуть какую-н<ибудь> сторону его, или когда говорящий, употребляя новое слово, желает сделать свою речь более выразительной»⁶. Данное качество неологизмов и окказионализмов делает особенно эффективным их использование в публицистических текстах, что также неоднократно привлекало внимание ученых: «Подобные слова, называя предмет, всегда несут определенную экспрессию, оценку... Основная “лаборатория”, в которой они возникают и используются, – это разговорная речь и язык периодической печати, публицистика»⁷; «сгущенная семантика и необычность таких слов позволяет использовать их... в газетных и журнальных публикациях для создания остроты высказывания и комического эффекта»⁸; «создание окказионализмов – реализация естественного желания журналиста сказать свое, новое, слово по какому-либо вопросу»⁹.

Экспрессивная составляющая неологизмов и окказионализмов наделяет их способностью становиться аргументами в полемике, что можно видеть на примере литературных дискуссий 20-х – начала 30-х гг. XX в. о возможностях, границах и формах новой культуры и литературы. Среди литературных объединений данного периода одну из главных ролей играла литературно-политическая (Все) российская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП, РАПП). Руководители ассоциации С.А. Родов, Г. Лелевич, И.В. Вардин, Ю.Н. Либединский, А.И. Безыменский ставили перед пролетариатом задачу строительства «своей классовой культуры, а следовательно, и своей художественной литературы как могучего средства глубокого воздействия на чувственное восприятие масс»¹⁰. Вокруг журнала «Красная новь» (главный редактор А.К. Воронский) организовывалась группа «Перевал». В нее входили поэты, писатели, критики (так называемые попутчики) А. Веселый, Э.Г. Багрицкий, Д.А. Горбов, М.М. Пришвин, А.П. Платонов и др. Цель переваловцев состояла в объединении писателей для «художественного оформления действительности». Группа заявляла, что никогда не будет солидаризироваться с РАПП, что отвергает пролеткультовщину и вообще всякое «направленчество»¹¹. Журнал «ЛЕФ» (еще один центр литературной борьбы, возглавляемый В.В. Маяковским) являлся наследником футуристической традиции. В его редколлегию входили Н.Н. Асеев, Б.И. Арватов, О.М. Брик, Б.А. Кушнер, С.М. Третьяков, Н.Ф. Чужак. Представители футуризма, одного

из самых ярких направлений в культуре начала XX в., отличались, среди прочего, лингвистическим новаторством. В дискуссиях участвовали также авторы статей в журналах «Печать и революция», «Под знаменем марксизма», «Звезда», «Журналист», в газетах «Правда», «Известия» и др.

В полемике использовалось значительное количество новых слов, как уже вошедших в разговорный и публицистический обиход, так и авторских образований. Существительные с суффиксом *-щина(а)*, традиционно служат для обозначения негативных явлений. У А.К. Воронского («Красная новь», 1923, № 7, с. 257) можно обнаружить существительное *эмигрантщина*. «Никто... не станет теперь серьезно утверждать, что... бесовщина и Карамазовщина Достоевского и с жиру христианствующая и непротивленствующая Толстовщина – хорошая духовная пища для рабочего класса», – писал «ЛЕФ» (1923, № 3, с. 19). У лефовцев можно найти также подобное образование от псевдонима писателя Б.А. Пильняка – *пильняковщина* (1923, № 3, с. 13). «Писатели должны объявить войну и романовщине и есенинщине, которые являются знаменем порнографии в советской литературе», – призывал журнал «Звезда» (1926, № 6, с. 198). Незадолго до своего роспуска РАПП с гордостью констатировала, что «успешно боролась против троцкизма, воронщины, переверзевщины, меньшевистствующего идеализма, деборинщины, лефовщины, литфронтовщины...» («На литературном посту», 1931, № 35–36, с. 2). Характерно, что распространившееся в период краха РАПП понятие *рапповщина* члены ассоциации восприняли как оскорбление. В стенограмме заседания фракции бюро правления РАПП от 2 мая 1932 г. зафиксировано: «Следует отметить, что некоторые договорились до нового термина “рапповщина”»¹².

Отметим, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг., с распространением агрессивного влияния ассоциации, слово РАПП все чаще служило производной основой (рапповцы, рапповский) и иногда даже писалось не в виде аббревиатуры, а как новое существительное мужского рода Рап: «В рядах Рапа» («Печать и революция», 1929, № 12, с. 6–8). После ликвидации РАПП в литературных кругах получило распространение выражение, остроумно обыгрывающее омофонию рабство/раппство (авторство приписывается Дзиге Вертову)¹³, – освобождение от раппства.

Возникшее во второй половине 1920-х гг. в результате низвержения бывшего большевистского лидера слово *троцкизм* стало одним из самых мощных агрессивных полемических средств, так как переводило обвинения из области литературной в политическую¹⁴. «У тов. Воронского ничего за душой нет, кроме плохо прожеванного,

недостаточно переваренного и дурно сформулированного троцкизма», – писала «Правда» (30.04.1927, с. 5).

Новообразования в «ЛЕФе» часто носили пародийный характер. В журнале встречается окказионализм *альфредизм*: «Или Бобров впал в альфредизм...» (1923, № 3, с. 36); «Стоит ли... критиканствовать, ...путая в одну глупую кашу футуризм, имажинизм, альфредизм и прочее ничевочество» (1923, № 3, с. 30). Употребление ироничного производного от имени Альфред (псевдоним сотрудника газеты «Известия») с суффиксом *-изм*, обычно служащего для обозначения некоего научного направления, видимо, должно было особо подчеркнуть вредоносность идей этого автора.

Еще один окказионализм левовцев – *бабология* – относился к Б.А. Пильняку: «Какая же у Пильняка идеология. Бабологии у него сколько угодно, – этим и живет человек» (1923, № 3, с. 13). Комический эффект создается путем сочетания просторечного существительного *бабай*¹⁵ и части сложных слов *-логия*, обозначающей отрасль науки.

Для автора журнала «Печать и революция» С.П. Боброва «ЛЕФ» изобрел новое слово *бобровина*, созвучное с грубопросторечными обозначениями бессмысленных высказываний, и выразил свое отношение «к той бобровине, которая подана на тарелке № 3 Печати и Революции» (1923, № 3, с. 38).

Значительное количество имеющих негативный смысл окказиональных слов и словосочетаний, которые можно найти в «ЛЕФе», относилось к литературной жизни данного периода: *ходасевическая мухошня* (1923, № 3, с. 14), *символячий быт* (с. 17), *ахматохвалебствия* (с. 38). Наверное, самым ярким окказиональным образованием можно считать название, данное авторами журнала «ЛЕФ» противникам-журналистам, – *лефогрызы* (с. 36).

В гораздо меньшей степени словообразованием были увлечены авторы журнала «Красная новь». Здесь можно заметить лишь развитие образов, заимствованных у оппонентов, например: «Эта программа очень простая и выражена она в статье тов. Авербаха коротеньким рецептом – поэтам надо “одемяниться”... Можно учиться у Демьяна Бедного, как мы все многим обязаны и учились у Салтыкова-Щедрина, но было бы очень вредно для искусства, если бы писатели ставили себе целью – “ощедриниться”. Причем этот лозунг “одемяниться” понимается очень примитивно» (1923, № 6 (16), с. 326). Если окказиональный глагол *одемяниться* имеет для напостовца Л.Л. Авербаха безусловно положительный смысл, то созданный по аналогии в «Красной нови» глагол *ощедриниться* означает процесс отрицательный, вредный для искусства.

Советские неологизмы 1920-х – начала 1930-х гг. оказались способны в свою очередь вдохновлять полемистов на изобретение агрессивных, иногда иронических, окказионализмов. Так, моду на новообразования, состоящие из начального слога первого слова (наиболее частыми из которых были глав- и центр-) и полной формы второго¹⁶, пародировал Л.С. Сосновский в заголовке статьи, направленной против М. Горького: «Бывший главсокол, ныне цен-троуж» («На посту», 1923, № 1, с. 85).

С.Б. Ингулов («Журналист», 1925, № 8/9, с. 4) по отношению к В.В. Вересаеву употребил окказиональное образование *интцванство* (интеллигентское чванство), созданное по аналогии с получившим в рассматриваемый период распространение негативным понятием *комчванство* (коммунистическое чванство)¹⁷, авторство которого принадлежит В.И. Ленину.

Появление в полемических материалах общеязыковых и авторских новообразований, в том числе иронических, свидетельствует о возникновении новых явлений, требующих отражения в речи. В случае, когда эти явления расцениваются полемистами как отрицательные, новые слова также приобретают способность выражать негативную оценку. Причем для опознания неологизма в качестве негативно-оценочного средства иногда достаточно владения языком (так, суффикс *-щин(а)*, как правило, воспринимается в качестве отрицательно маркированного), а в других случаях требуется знание внеязыковых реалий (когда отрицательные коннотации имеет основа слова, например, *троцкизм*).

Независимо от словообразовательной модели неологизмы и окказионализмы обладают большим экспрессивным потенциалом, свойством акцентировать внимание читателя на явлениях, заслуживающих, по мнению автора, осуждения и/или осмеяния, то есть становятся своего рода маркерами агрессивности, чрезмерное количество которых может затруднять восприятие публицистического текста.

Примечания

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. С. 261.

² Там же. С. 262.

³ Горнфельд А.Г. Муки слова: Статьи о художественном слове. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 176.

⁴ Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 108.

- ⁵ Там же. С. 109.
- ⁶ *Ожегов С.И.* Неологизмы в русском языке: Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Индрик, 2001. С. 437–443.
- ⁷ *Лопатин В.В.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. С. 36–37.
- ⁸ *Алиева Г.Н.* Окказиональные неологизмы последнего десятилетия // Русская речь. 2006. № 3. С. 79.
- ⁹ *Рацибурская Л.В., Шумилова А.В.* Неологизмом – по читателю // Журналист. 2011. № 8. С. 69.
- ¹⁰ Материалы Первой Московской конференции пролетарских писателей // На посту. 1923. № 1. С. 193.
- ¹¹ Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский, Н.П. Сидоров. М.: 2001. С. 259. (Первое изд. 1924 г.)
- ¹² Цит. по: *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. М.: Московский рабочий, 1970. С. 319.
- ¹³ Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов: исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Кн. 1. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2002. С. 38.
- ¹⁴ В толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова политический термин *троцкизм* трактуется как наиболее опасная агентура буржуазии в рабочем движении, разновидность меньшевизма, объединившая в борьбе против революционного пролетариата самые контрреволюционные и двурушнические элементы (по имени врага народа Л. Троцкого). См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. Т. 4. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. С. 809.
- ¹⁵ Там же. Т. 1. С. 74.
- ¹⁶ *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: URSS: Либроком, 2010. С. 162.
- ¹⁷ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. С. 1481.